

UNITED WISDOM

Система не имеет стороны: знание, интересы и общественные изменения

Отношения и совместная жизнь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R48 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Система не имеет стороны: знание, интересы и общественные изменения

U N I T E D W I S D O M Система не имеет стороны Почему в политическом споре нет правды, почему систему не уговорить порядочностью — и почему её меняет только знание, дошедшее до критической массы

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Система не имеет стороны Почему в политическом споре нет правды, почему систему не уговорить порядочностью — и почему единственное, что её меняет, это знание, дошедшее до критической массы.

«Specialist without spirit, sensualist without heart; this nullity imagines that it has attained a level of humanity never before achieved.» — Макс Вебер, заключительные строки «Протестантской этики и духа капитализма» (Stanford Encyclopedia of Philosophy)

О чём эта статья

Человеку, который смотрит на политику, кажется, что перед ним спор двух правд.

Одна сторона права в одном, другая — в другом, и задача честного наблюдателя — выбрать ту, что правее, и встать за неё. Эта статья утверждает другое: спор сторон почти никогда не является спором о правде. Это спор двух частей одного механизма за то, чтобы механизм продолжал работать. У системы нет стороны, потому что у неё нет цели, кроме одной — оставаться собой.

Из этого следует тяжёлый вывод и один обнадёживающий. Тяжёлый: бессмысленно взывать к совести отдельного чиновника, потому что система устроена так, что исторгает того, кто слушает совесть вместо неё. Обнадёживающий: систему всё-таки можно изменить, но не изнутри её собственной логики власти, а извне — через медленное насыщение её среды знанием, пока носители этого знания не составят критическую массу. Тогда система меняется сама, как меняется язык, когда новое слово стало привычным. Это касается и государства, и корпорации, и любой устойчивой организации людей.

Мы пройдём этот путь на языке теории систем и истории, а параллели из зрелых традиций — даосской, стоической, евангельской, индийской, китайской — покажем не как украшение, а как независимые свидетельства об одной и той же структуре.

Традиции пришли к близким выводам разными дорогами и из разных предпосылок; мы не будем стирать их различия.

I. Что эта статья не делает

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Она не призывает к политической пассивности. Вывод «у системы нет стороны» — не разрешение отвернуться и ничего не делать. Наоборот: он освобождает силы, которые человек обычно тратит на бесплодную борьбу за сторону, и направляет их туда, где они работают.

Она не утверждает, что все политические позиции одинаково истинны или одинаково ложны. Между конкретными решениями бывает огромная нравственная разница.

Утверждение тоньше: сам механизм спора устроен так, что вопрос об истине в нём вторичен по отношению к вопросу о самосохранении системы. Можно быть правым по существу и при этом проиграть, потому что система отбирает не по правоте.

Она не предлагает теорию заговора. Никто не управляет системой из тени. В том и дело: система самоподдерживается без дирижёра — так же, как организм поддерживает температуру тела без сознательного усилия. Заговор был бы утешением: его можно было бы раскрыть. Здесь раскрывать нечего, есть только структура.

И она не противопоставляет «плохую систему» «хорошим людям». Люди внутри системы чаще всего обычны и не злы. Именно это и есть самое трудное в теме — и к этому мы ещё вернёмся, говоря о банальности зла.

II. Что такое система и почему она хочет только продолжаться

Начнём с понятия, которое биологи ввели для живых клеток, а социологи перенесли на общество. В 1972 году чилийские учёные Умберто Матурана и Франсиско Варела предложили термин автопоэзис (autopoiesis, от греч. autos — сам и poiesis — творение): живая система определяется как сеть процессов, которая непрерывно воспроизводит компоненты, её создающие, и тем самым поддерживает собственные границы (Autopoiesis and Cognition, 1980). Клетка существует ровно до тех пор, пока этот цикл не разорван. Её «цель» — не какая-то внешняя задача, а само продолжение цикла.

Матурана подчёркивал важную тонкость: систему определяет не её структура, а её организация. Структура может меняться — клетка обновляет молекулы, государство меняет чиновников и законы, — но организация остаётся прежней, иначе это уже другая система (Autopoiesis). Отсюда первое следствие для политики: смена лиц во власти не

меняет систему, если сохраняется её организация. Новый человек на старом месте воспроизводит то же место.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Немецкий социолог Никлас Луман (1927–1998) сделал шаг, который многих задевает: он применил автопоэзис к обществу и заявил, что общество состоит не из людей, а из коммуникаций — система воспроизводит коммуникации посредством коммуникаций, а люди принадлежат её окружающей среде, а не ей самой (Niklas Luhmann). Звучит холодно, но именно эта холодность объясняет наш опыт. Когда честный человек обращается к системе на языке морали, а она отвечает ему на языке власти, дело не в том, что чиновники злы. Дело в том, что каждая социальная подсистема — право, экономика, политика — работает на своём бинарном коде: право/бесправие, оплата/неоплата, власть/оппозиция. Система буквально «не видит» того, что не закодировано на её языке (The World Society as a Social System). Призыв к порядочности для политической системы — как цвет для слепого: не отвергается, а просто не воспринимается.

Стоит честно отметить: сам Матурана возражал против переноса автопоэзиса на общество, считая, что коммуникации воспроизводятся всё-таки людьми, а не сами собой. Спор в теории систем не закрыт (критика Лумана). Но даже в осторожном прочтении вывод остаётся: система оперирует ради собственного продолжения, и отдельный человек для неё — заменимый элемент среды.

III. Машина, которая держит саму себя

Откуда у системы это упорство быть собой? Из того же механизма, что держит постоянной температуру вашего тела. Американский физиолог Уолтер Кэннон в книге «The Wisdom of the Body» (1932) назвал его гомеостазом — координированными процессами, поддерживающими устойчивое состояние организма (Britannica: Walter Cannon). Норберт Винер в «Кибернетике» (1948) обобщил это на любые системы: биологические, технические, социальные (Cybernetics, 1948). Ключевой инструмент — отрицательная обратная связь: всякое отклонение от нормы рождает усилие вернуть систему в коридор. Несогласный чиновник — это и есть отклонение, и система отвечает на него ровно так, как тело отвечает на перегрев: усилием возврата.

Британский кибернетик Росс Эшби добавил закон, объясняющий, почему власть так тяготеет к упрощению общества. Его закон необходимого разнообразия гласит: только разнообразие может поглотить разнообразие (Ashby, 1956). Управлять сложным можно, лишь располагая сопоставимой сложностью. Простая, централизованная власть структурно не способна вместить сложное общество — и потому склонна не усложняться сама, а упрощать общество репрессией: запрещать, унифицировать,

сокращать число допустимых состояний. Это не злая воля конкретного правителя, это следствие математики управления.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я И ещё одно наблюдение, снимающее последние иллюзии о «правильной организации».

Немецко-итальянский социолог Роберт Михельс в книге «Политические партии» (1911) сформулировал железный закон олигархии: всякая организация, в том числе самая преданная демократическим идеалам, неизбежно превращается в правление немногих (Britannica: Iron Law of Oligarchy). Механизм прост: управление требует специализации, специалисты получают информационное и организационное превосходство, превосходство конвертируется в власть, и организация начинает обслуживать самовоспроизводство своей верхушки, а не цель, ради которой создавалась. Партия, рождённая против элит, со временем сама становится элитой.

Это верно и для корпораций, и для профсоюзов, и для революционных движений, побеждавших ради свободы.

IV. Почему все начинают походить друг на друга

Если бы у соперников был выбор быть устроенными по-разному, спор сторон ещё имел бы смысл. Но социологи Пол ДиМаджо и Уолтер Пауэлл в работе «The Iron Cage Revisited» (1983) показали обратное: организации в одном поле непроизвольно становятся похожими — это они назвали институциональным изоморфизмом (DiMaggio & Powell, 1983). Действуют три силы: принудительная (давление государства и регуляторов), миметическая (копирование «лучших практик» в неопределённости) и нормативная (профессионализация: юристы, менеджеры, чиновники обучены по одним стандартам и мыслят одинаково).

Парадоксальный вывод авторов: рациональные акторы делают свои организации всё более похожими именно тогда, когда пытаются их изменить. Две враждующие партии, два конкурирующих ведомства, две корпорации-соперника со временем перенимают язык, процедуры и рефлексы друг друга, потому что варятся в одном поле. Их вражда реальна на поверхности и почти неотличима в устройстве. Спрашивать, на чьей вы стороне в споре двух структур, ставших зеркальными, — значит соглашаться играть по правилам, которые обе стороны разделяют не задумываясь.

V. «Стальной кожух» и человек-функция

Макс Вебер ещё в начале XX века описал, во что превращается человек внутри рационализированной машины. Он назвал это stahlhartes Gehäuse — «кожух, твёрдый как сталь», который английский переводчик Парсонс передал как «железную клетку» (iron

cage) (SEP: Max Weber; Baehr, 2001). Идеальный чиновник в его описании — «маленький зубчик в вечно движущемся механизме, предписывающем ему по

 существу фиксированный путь» (Iron cage). Деперсонализация здесь не сбой, а условие работы: бюрократия эффективна именно потому, что не зависит от личных качеств занятого ею человека.

Вот почему взывать к порядочности чиновника бесполезно — не потому, что чиновники непорядочны, а потому, что система устроена так, чтобы их порядочность не имела рычага. Личная добродетель в «стальном кожухе» — частное дело человека, не влияющее на ход механизма. А если она начинает влиять, если человек ставит совесть выше функции, отрицательная обратная связь возвращает систему в норму: его обходят, переводят, увольняют, дискредитируют. Система исторгает не злодея — она исторгает несовпадение.

VI. Банальность зла: страшнее злодея — исполнитель

Самое тяжёлое наблюдение принадлежит Ханне Арендт. Освещая в 1961 году процесс над Адольфом Эйхманом, организатором депортаций, она ожидала увидеть чудовище, а увидела заурядного человека и сформулировала тезис о банальности зла: величайшие преступления совершаются не фанатиками и садистами, а обычными людьми, переставшими думать и просто исполняющими функцию (Eichmann in Jerusalem). «Это была чистая бездумность, — писала она, — предрасположившая его стать одним из величайших преступников эпохи» (NEH). Бюрократическая культура, по Арендт, выдаёт исполнителю три щита: авторитет (приказ снимает ответственность), рутину (повторение механизирует поступок) и обезличивание жертвы (Philosophy Now).

Справедливость требует оговорки: историк Беттина Стангнет в книге «Eichmann Before Jerusalem» (2014) доказывала, что Эйхман был убеждённым антисемитом, лишь разыгравшим на суде роль «маленького чиновника». Спор о том, насколько «банальным» он был, не закрыт. Но сам механизм, который описала Арендт, подтверждён независимо — в лаборатории.

Стэнли Милгрэм в Йеле (1961–1963) просил обычных людей бить незнакомца током по приказу экспериментатора. 65% дошли до максимального разряда в 450 вольт, несмотря на крики жертвы (Milgram experiment). Милгрэм назвал это агентным состоянием: человек перестаёт чувствовать себя источником поступка и становится инструментом чужой воли — и нейробиологи позже показали, что под принуждением действительно слабеет нейронная метка авторства собственных действий (FORRT).

Зло системы, таким образом, — не аномалия, а доступная норма для среднего человека в роли исполнителя.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Но в том же эксперименте спрятан и ключ к выходу — и о нём ниже.

VII. Хроника исторжения: что система делает с тем, кто прав

Теория предсказывает, что система отторгает несовпадение независимо от того, прав ли несовпадающий. История это подтверждает.

Сократ. В 399 году до н.э. демократические Афины приговорили его к смерти по обвинению в нечестии и развращении юношества; присяжные проголосовали 280 против 220 (Socrates). Важна не жестокость, а то, что приговор вынесло демократическое большинство. Система защищает свои нормы независимо от формы правления; «народовластие» исторгает инакомыслящего не хуже тирании.

Игнац Земмельвейс. В 1847 году венский врач установил, что мытьё рук хлорным раствором снижает смертность рожениц с 10–18% до 1–2% (Britannica: Semmelweis).

Медицинское сообщество отвергло открытие; контракт не продлили, авторитетные коллеги высмеяли доктрину. В 1865 году его обманом поместили в психиатрическую лечебницу, где он умер через две недели от заражения крови — вероятно, после побоев санитаров (British Journal of Psychiatry). Спасительная, доказанная цифрами правда была исторгнута именно потому, что не совпадала с самопониманием системы.

Катон Младший. Римский стоик, враг коррупции поздней Республики, после победы Цезаря покончил с собой в Утике в 46 году до н.э., читая платоновского «Федона» (Britannica: Cato). Он не смог заставить систему жить по принципам, которые она сама провозглашала, и выбрал последний доступный акт суверенности. Это предельный и трагический ответ, который мы не рекомендуем, — но он точно показывает, что значит требовать от системы её собственной декларируемой честности.

Советские диссиденты. Андрей Сахаров, создатель водородной бомбы и нобелевский лауреат, после протеста против ввода войск в Афганистан был в 1980 году без суда сослан в закрытый Горький и пробыл там до конца 1986-го (Andrei Sakharov).

Александра Солженицына в 1974 году, после выхода «Архипелага ГУЛАГ» на Западе, лишили гражданства и силой выслали из страны (Soviet History, MSU). Разные эпохи, страны, идеологии — один и тот же рефлекс возврата к норме.

Феномен «разоблачителя» подтверждает структурный, а не идеологический характер механизма: человека, вскрывшего нарушение внутри своей организации, типично ждут

преследование, дискредитация и изоляция — будь это государство, корпорация или больница (Britannica: Dissidents). Меняются декорации — не устройство.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я

VIII. Традиции, узнавшие систему раньше нас

Удивительно, насколько ясно зрелые традиции описали то, к чему теория систем пришла лишь в XX веке. Они расходятся в метафизике и не сводятся друг к другу — но в практическом выводе сходятся: не сливаться с механизмом власти, действовать из внутреннего закона, не привязываться к исходу.

Даосизм доводит мысль до предела. «Лучший правитель — тот, о чьём существовании люди едва знают», — говорит 17-я глава «Дао дэ цзин»; «когда дело сделано, люди говорят: мы сами это сделали» (ДДЦ 17). 60-я глава: «Управлять большим государством — как варить мелкую рыбу» (治大國若烹小鮮) — чем чаще переворачиваешь, тем больше разрушаешь (ДДЦ 60). Это принцип у-вэй (無為), недеяния: не бездействие, а отказ от насильственного вмешательства, доверие к самоорганизации. Чжуан-цзы, которому предлагали высокий пост, отвечал, что предпочёл бы быть живой черепахой, волочащей хвост по грязи, чем мёртвой в золотом ларце храма. Отказ от должности здесь — не слабость, а суверенность над собственной природой.

Стоики дали инструмент на каждый день. Эпиктет открывает «Энхиридион» дихотомией контроля: «В нашей власти — суждение, стремление, желание; не в нашей власти — тело, имущество, репутация, должность» (MIT Classics: Enchiridion).

Должность и признание системой — вне нашей власти; наше дело (kathēkon) — поступать верно. Марк Аврелий, будучи императором, практиковал ровно это: исполнять долг, не привязываясь к тому, оценят ли результат.

Евангелие проводит границу. «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:21) — у политической власти есть своё место, но она не вправе требовать абсолютной верности человека. «Царство Моё не от мира сего» (Ин 18:36), сказанное на допросе у Пилата, — декларация иного рода власти, которая не конкурирует с системой по её правилам.

Индийская традиция даёт самую точную формулу действия. Бхагавадгита 2:47: «Твоё право — лишь на действие, но никогда — на его плоды» (कर्मण्येवाधिकारस्ते मा फलेषु कदाचन) (Bhagavad Gita 2.47). Это нишкама-карма — действие без алчбы плода. Тот, кто меняет систему, делает это из внутренней необходимости, а не из расчёта на скорый результат, — иначе он выгорит, когда система не ответит. Ислам приходит к схожей логике: долг «повелевать одобряемое и запрещать порицаемое» (амр биль-маруф) обязывает

действовать, а доктрина кадар (предопределение) напоминает: итог в руках Бога, человек — деятель, но не распорядитель истории.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Китайская политическая мысль прямо ставит вопрос о праве системы на существование. Концепция Мандата Неба (天命): Небо даёт правителю власть, но отзывает её при несправедливости (Mandate of Heaven). Мэн-цзы делает вывод, радикальный для своего времени: «Народ — наиважнейшее в государстве... правитель — наименее важен»; утративший добродетель тиран перестаёт быть «сыном Неба» и становится просто человеком (SEP: Chinese Political Thought). Легитимность не в обладании властью, а в соответствии порядку выше системы.

И отдельное свидетельство — китайские придворные историографы. «Цзо чжуань» сохранила эпизод 548 года до н.э.: министр Цуй Чжу убил правителя царства Ци, и главный историограф записал: «Цуй Чжу убил своего государя». Историографа казнили. Его младший брат записал то же — казнён. Третий брат — то же, казнён.

Когда четвёртый брат записал ту же фразу, Цуй Чжу отступился. А пятый историограф уже шёл во дворец с табличкой наготове, готовый продолжить, — и, узнав, что правда записана, вернулся домой (ctext.org; Vision Times). Власть применила всю свою силу — и не смогла изменить то, что осталось в записи. Знание пережило власть. Это и есть мост к последней части.

IX. Единственное, что меняет систему: знание у критической массы

Если систему нельзя переубедить и нельзя исправить заменой лиц, что её меняет?

Ответ зрелых традиций и современной науки совпал: не лобовой штурм власти, а постепенное насыщение среды знанием, пока носители нового понимания не достигнут критической массы. Тогда норма переламывается — и система меняется сама, потому что изменилась её среда.

Это не метафора. В 2018 году Дэймон Сентола с коллегами опубликовал в журнале Science строгий эксперимент «Experimental Evidence for Tipping Points in Social Convention» (Science, 2018). Группы людей вырабатывали общую норму, затем в них вводили приверженное меньшинство с другой нормой. Пока меньшинство было меньше 25%, оно не меняло ничего: его влияние было таким же, как если бы его не было вовсе. Но при достижении примерно 25% наступал резкий перелом — новую норму принимали от 72 до 100% группы (Scientific American). Модель показала: порог держится около 24% и для тысячи человек, и для ста тысяч, и работает даже тогда, когда старая норма вдвое

«выгоднее» новой (Supplementary Materials). Это первый строгий замер «критической массы» как реальной величины.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Тот же узор был скрыт в эксперименте Милгрэма. Когда рядом с испытуемым оказывались двое отказавшихся продолжать, доля дошедших до конца падала с 65% до 10% (Academic OUP). Одинокий несогласный почти бессилен; несогласный, ставший заметным меньшинством, переламывает поведение большинства. Инакомыслие работает не поодиночке, а массой.

Эверетт Роджерс в «Диффузии инноваций» описал ту же динамику как S-образную кривую: новаторы, ранние последователи, большинство. После примерно 16% принятия — конца «ранних последователей» — распространение становится самоподдерживающимся и больше не нуждается во внешнем толчке (Stanford: Rogers). До этого порога нужны сознательные «агенты изменений»; после — идея несёт себя сама.

История знает такой перелом в чистом виде. Печатный станок Иоганна Гутенберга (ок. 1450) за полвека дал Европе больше тысячи типографий и свыше десяти миллионов книг (Teach Democracy). Историк Карлос Эйре сказал прямо: «Нет печатного станка — нет Реформаций. Всё так просто». 95 тезисов Лютера, задуманные как тема для университетского диспута, за две недели разошлись по Германии, за месяц — по Европе; за три года тридцать его памфлетов вышли 370 изданиями (World History Encyclopedia). Систему изменило не восстание против Рима, а тираж — знание, превысившее критическую массу.

Карл Ясперс заметил кое-что ещё более глубокое. В «осевое время» — между 800 и 200 годами до н.э. — в Китае, Индии, Персии, Иудее и Греции одновременно и без связи между собой произошёл прорыв рефлексивного сознания, заложивший духовные основы, на которых человечество живёт до сих пор (Axial Age). Скачок знания не был порождён ни одной из тогдашних империй; он их предварял и пережил.

Знание оказалось глубже любой системы власти своего времени.

X. Как это делается на практике: война позиций, а не штурм

У этого подхода есть имя. Антонио Грамши, писавший «Тюремные тетради» в заключении при Муссолини, различил «войну манёвра» — прямой штурм власти — и «войну позиций» — медленное завоевание позиций в гражданском обществе (SEP: Gramsci). Он показал, что власть держится не одним принуждением, а культурной гегемонией — «интеллектуальным и нравственным руководством», которое формирует согласие через школы, прессу, профессии. Его формула: государство есть политическое общество плюс

гражданское общество, то есть гегемония, защищённая бронёй принуждения. Вывод: в развитом обществе систему меняет не штурм крепости,

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я а перемена того, что люди считают само собой разумеющимся.

Та же логика в понятии «окна Овертона», введённом Джозефом Овертоном в 1990-е: в каждый момент «политически возможен» лишь узкий диапазон идей, и влияет на политику не прямое давление, а сдвиг самого окна — изменение того, что общество считает нормальным (Mackinac Center; Britannica: Overton window). Первичный агент здесь — публичное пространство идей: культура, образование, тексты, — а не выборы.

Отсюда — практические следствия, спокойные и выполнимые.

Не тратьте себя на выбор стороны в споре, где обе стороны защищают одну организацию. Энергия, ушедшая на болельщицкую вражду, не меняет ничего, потому что не выходит за пределы кода системы.

Не требуйте порядочности от человека-функции; стройте среду, в которой порядочность перестаёт быть несовпадением. Один честный чиновник бессилен; двадцать пять процентов людей, разделяющих другое понимание, переламывают норму, и тогда честность становится новой функцией.

Делайте знание тиражируемым. Записанное, объяснённое, переданное знание неуничтожимо так, как неуничтожима была запись историографов Ци. Власть может казнить носителя — не может стереть распространённое понимание.

Действуйте из внутреннего закона, а не из расчёта на скорый результат. Дихотомия контроля Эпиктета и нишкама-карма Гиты — не утешение для слабых, а защита от выгорания: вы отвечаете за вклад, не за исход; исход вызреет, когда наберётся масса.

И помните о горизонте. Знание меняет систему медленнее, чем хочется, и быстрее, чем кажется в момент бессилия. Реформация шла десятилетия — и наступила за две недели тиража. Осевое время готовилось веками — и осталось навсегда.

XI. Что это значит

У системы нет стороны, потому что у неё нет правды — только устройство, удерживающее её собой. Спор сторон — внутренний регулятор этого устройства, а не путь к истине. Чиновник не услышит призыва к совести не потому, что бессовестен, а потому, что система слепа к языку, на котором этот призыв звучит, и исторгает того, кто ставит совесть выше функции. Человечность в «стальном кожухе» истончается не от

чьей-то злой воли, а от самой логики безличного механизма перед лицом больших вызовов.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я Из этого не следует отчаяние. Следует смена места приложения силы. Систему не уговорить и не переизбрать в ней правду — но её среду можно насытить знанием, и когда носителей знания становится около четверти, норма переламывается, и система меняется сама. Так было с печатным станком, так измерено в лаборатории, так описано Грамши и предугадано даосами, стоиками и индийскими учителями. Это работа долгая и тихая, ближе к выращиванию, чем к битве. Но это единственная работа, которая действительно меняет и государство, и корпорацию, — потому что меняет не лица у власти, а воздух, которым все они дышат.

Ключевая цитата

«Духовные основы человечества были заложены одновременно и независимо в Китае, Индии, Персии, Иудее и Греции. И это те основы, на которых человечество держится по сей день.» — Карл Ясперс, «Происхождение и цель истории» (1949), об осевом времени (Axial Age)

Связи между традициями

- Дистанция от власти: у-вэй и отказ Чжуан-цзы от поста (даосизм) ↔ дихотомия

контроля Эпиктета (стоицизм) ↔ «кесарю кесарево» и «Царство Моё не от мира сего» (Евангелие) ↔ непривязанность к плодам, нишкама-карма (Бхагавадгита 2:47) ↔ долг при отпускании итога, кадар (ислам).

- Легитимность выше системы: Мандат Неба и Мэн-цзы о праве сместить тирана (Китай)

↔ «Божие Богу» как предел земной власти (Евангелие) ↔ Небо/Дао как порядок, которому подотчётна власть (даосизм).

- Знание долговечнее власти: историографы Ци, записавшие правду ценой жизни (Цзо чжуань) ↔ осевое время, пережившее свои империи (Ясперс) ↔ тираж как сила, изменившая системы (Гутенберг, Реформация).

- Система как самоподдерживающийся механизм: автопоэзис клетки (Матурана–Варела)

↔ общество из коммуникаций (Луман) ↔ гомеостаз тела (Кэннон) ↔ железный закон олигархии (Михельс) ↔ «стальной кожух» бюрократии (Вебер).

- Зло как функция, а не умысел: банальность зла (Арендт) ↔ агентное состояние и 65%

Милгрэма ↔ человек-зубчик в механизме (Вебер).

- Перелом через критическую массу: ≈25% в эксперименте Сентолы ↔ падение

подчинения до 10% при двух несогласных (Милгрэм) ↔ ~16% самоподдержания на кривой Роджерса ↔ «война позиций» и культурная гегемония (Грамши) ↔ сдвиг окна Овертона.

U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я

Первоисточники

- Матурана У., Варела Ф., «Autopoiesis and Cognition» (1980) — система воспроизводит саму себя и
- свои границы (Wikipedia).
- Никлас Луман — общество состоит из коммуникаций, не из людей; бинарные коды подсистем
- (Wikipedia; The World Society as a Social System).
- Уолтер Кэннон, «The Wisdom of the Body» (1932) — понятие гомеостаза (Britannica).
- Норберт Винер, «Cybernetics» (1948) — обратная связь в любых системах (Wikipedia).
- Росс Эшби, «An Introduction to Cybernetics» (1956) — закон необходимого разнообразия (Panarchy).
- Роберт Михельс, «Политические партии» (1911) — железный закон олигархии (Britannica).
- ДиМаджо П., Пауэлл У., «The Iron Cage Revisited» (ASR, 1983) — институциональный изоморфизм
- (PDF).
- Макс Вебер — «стальной кожух» / железная клетка бюрократии (SEP; Baehr 2001).
- Ханна Арендт, «Eichmann in Jerusalem» (1963) — банальность зла (Wikipedia; NEH).
- Стэнли Милгрэм, «Obedience to Authority» (1963/1974) — 65% подчинения, 10% при двух
- несогласных (Wikipedia; OUP).
- Зимбардо, Стэнфордский эксперимент (1971) и его критика (Wikipedia; BPS Digest).
- Сократ — суд Афин 399 до н.э. (Wikipedia).

- Игнац Земмельвейс — отвержение открытия и гибель в лечебнице (Britannica; BJPsych).
- Катон Младший — стоик против коррупции, самоубийство в Утике (Britannica).
- Историографы Ци, «Цзо чжуань», 548 до н.э. (ctext.org; Vision Times).
- Андрей Сахаров — ссылка в Горький (1980–1986) (Wikipedia).
- Александр Солженицын — высылка из СССР (1974) (Soviet History, MSU).
- «Дао дэ цзин», главы 17 и 60 — лучший правитель и «варить мелкую рыбу» (гл. 17; гл. 60).
- Эпиктет, «Энхиридион», гл. 1 — дихотомия контроля (MIT Classics).
- Евангелие — Мф 22:21 «кесарю кесарево»; Ин 18:36 «Царство Моё не от мира сего».
- Бхагавадгита 2:47 — нишкама-карма (bhagavad-gita.us).
- Мандат Неба и Мэн-цзы (World History Encyclopedia; SEP).
- Дэймон Сентола и др., «Tipping Points in Social Convention» (Science, 2018) — порог ≈25% (Science;
- Scientific American).
- Эверетт Роджерс, «Diffusion of Innovations» — S-кривая, ~16% самоподдержания (Stanford).
- Гутенберг и Реформация — тираж как сила перемен (Teach Democracy; World History Encyclopedia).
- Карл Ясперс — осевое время (Wikipedia).
- Джозеф Овертон — окно Овертона (Mackinac Center; Britannica).
- Антонио Грамши — культурная гегемония, война позиций (SEP).
- U N I T E D W I S D O M · В Н У Т Р Е Н Н Я Я Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И Я

Теги система, автопоэзис, Матурана, Варела, Никлас Луман, коммуникации, бинарный код, гомеостаз, кибернетика, Винер, закон Эшби, необходимое разнообразие, железный закон олигархии, Михельс, институциональный изоморфизм, ДиМаджо, Пауэлл, Макс

Вебер, стальной кожух, железная клетка, бюрократия, банальность зла, Ханна Арендт, Эйхман, Милгрэм, агентное состояние, Зимбардо, Сократ, Земмельвейс, Катон, историографы Ци, Цзо чжуань, Сахаров, Солженицын, диссиденты, у-вэй, Дао дэ цзин,

Чжуан-цзы, дихотомия контроля, Эпиктет, Марк Аврелий, кесарю кесарево, нишкама-карма, Бхагавадгита, Мандат Неба, Мэн-цзы, амр биль-мааруф, кадар, критическая масса, Сентола, точка перелома, диффузия инноваций, Роджерс, Гутенберг, Реформация, осевое время, Ясперс, окно Овертона, Грамши, культурная гегемония, война позиций

Про авторов

Эту статью написали Андрей Заринш (@andrey.zarinsh) и Мария Евилкут (@ilkutki) — авторская пара проекта United Wisdom, лаборатории объединённой мудрости, где личное проживание встречается с традициями мира и языком науки, чтобы говорить об одном узле на нескольких языках сразу.

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut · United Wisdom · Лаборатория объединённой мудрости.